

УДК 882

Об одной не вовсе рассказанной истории Пушкина («Часто думал я...»)

Кранк Эдуард Освальдович,
кандидат философских наук, кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Чувашского государственного института культуры и искусств, г. Чебоксары

Аннотация. В статье исследуются несколько пушкинских текстов, связанных с семейной историей поэта и его биографией, а также ряд свидетельств современников. В основу положена легенда о «белой голове» и её абберациях в творчестве и биографии А. Пушкина. Легенда рассматривается нами как лейтмотив.

Ключевые слова: Пушкин, семейная история, лейтмотив творчества, легенда о белой голове, байронический тип.

А как он, арап, чернешенек,
А она-то, душа, белешенька.
А. Пушкин

Один писатель как-то заметил: «Истории совершаются прежде, чем они происходят». Этот афоризм как нельзя лучше подходит к незаконченному пушкинскому отрывку, о котором пойдёт речь. Вот этот отрывок:

«Часто думал я об ужасном семейственном романе: воображал беременность молодой жены, её ужасное положение и спокойное, доверчивое ожидание мужа.

Наконец час родов наступает. Муж присутствует при муках милой преступницы. Он слышит первые крики новорождённого; в упоении восторга бросается к своему младенцу... и остаётся недвижим...» [Пушкин, 1960, т. 5, с. 509].

Добавим, что принятая датировка этого отрывка – около 1833 года.

В пушкиноведении сама собой утвердилась та точка зрения, что незаконченные произведения Пушкина являются как бы завершёнными. Она основывается на двух причинах. Одна из них – собственно эстетическая: «фрагментарность» Пушкина является оригинальным свойством его писательской (поэтической) манеры, в силу чего за этим качеством словно по умолчанию полагается известная стиливая полноценность. Вторая причина не столько научного, сколько бытового характера. А именно: Пушкин как писатель настолько хрестоматиен, что любая дошедшая до нас его строчка блестит заведомым монументальным лоском. Обе эти причины имеют место, и нет надобности их оспаривать, хотя мы далеки от того, чтобы признать их безоговорочными.

В чём же «рассказанность» этого «нерассказа»? Прежде всего, нужно уяснить, кого увидел доверчивый муж. А очень просто: он увидел «не то сына, не то дочь, не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку», другими словами – если не самого Дьявола, то что-то ему сродное, во всяком случае, нечто совершенно противоположное ангелу-младенчику.

Первая, поверхностная, параллель – из «Арапа Петра Великого» (1827): «Ибрагим находился в кабинете близ самой спальни, где лежала несчастная графиня. Не смея дышать, он слышал её глухие стенания, шёпот служанки и приказания доктора. Она мучилась долго. Каждый стон раздирал его душу; каждый промежуток молчания обливала его ужасом... вдруг он услышал слабый крик ребёнка и, не имея силы удержать своего восторга, бросился в комнату графини. Чёрный младенец лежал на постеле в её ногах» [Пушкин, 1960, т. 5, с. 11–12].

Ситуация и обороты чрезвычайно близки нашему отрывку; разница в том, что там – обманутый муж, здесь – торжествующий любовник.

Ту же ситуацию, только в зеркально перевёрнутом виде, Пушкин предполагал дать, по запискам Алексея Вульфа, в продолжении «Арапа...»: «Главная завязка этого романа – как Пушкин говорит – неверность жены сего арапа, которая родила ему белого ребенка и за то была посажена в монастырь» [А. С. Пушкин..., 1974, т. 1, с. 416].

Неизвестно, насколько справедливы слова Вульфа о «главной завязке», но Пушкин действительно воспроизвёл этот случай в «Начале автобиографии» (около 1834):

«В семейственной жизни своей прадед мой Ганнибал так же был несчастлив, как и прадед Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развелся и принудил её постричься в Тихвинском монастыре...» [Пушкин, 1962, т. 7, с. 289]. Там же, несколькими строками ниже, ситуация опять повторяется, но с новой переменной ролей и как бы в сниженном виде: «...настоящее имя его [деда Пушкина, Осипа Абрамовича, сына Ибрагима-Абрама. – Э.К.] было Януарий, но прабабушка не соглашалась звать его этим именем, трудным для её немецкого произношения: Шорн шорт, говорила она, делат мне шорни репят и даёт им шертовск имя...» [Пушкин, 1962, т. 7, с. 290].

Здесь нет интриги супружеской измены, но весьма неслучайны эти шорни репят и шертовск имя.

Вот первый слой рассказанности пушкинского отрывка, исходящий из того, что было написано рукой самого поэта.

Второй слой – не столько биографический, сколько эзотерический. А именно: важно даже не сходство перечисленных ситуаций, а как раз их варьирование: у чёрного арапа – белая дочь, у француженки-графини – чёрный ребёнок и т. д. Эта взаимозаменяемость цвета кожи (чёрный – белый) перекликается с роковой ролью, которой наделён Чёрный человек в судьбе Моцарта и которую, по словам гадалки А. Ф. Кирхгоф, должен сыграть «белый человек» (Weisser Mensch, Weisskopf) в судьбе самого Пушкина. Об этом довольно подробно распространяется целый ряд биографов: Л. С. Пушкин [А. С. Пушкин..., 1974, т. 1, с. 59–60], А. С. Соболевский [А. С. Пушкин 1974, т. 2, с. 6–7, 45], П. В. Нащокин [А. С. Пушкин..., 1974, т. 2, с. 190–191], А. Н. Вульф [А. С. Пушкин..., 1974, т. 1, с. 412–413], М. П. Погодин [А. С. Пушкин..., 1974, т. 2, с. 10, 35]. Это единодушие мемуаристов питается легендой, которая исходит от самого поэта и преследует целью создания «второй биографии», о чём ниже.

Речь о «чёрном – белом человеке» Пушкина предполагает демоническую подоснову; это речь о демоне (или демонах) Пушкина. О демонической роли отдельных лиц в судьбе поэта писалось как мемуаристами, так и исследователями. Ограничимся лишь упоминанием таких персон из окружения Пушкина, как граф Ф. И. Толстой-Американец, князь П. А. Вяземский («Асмодей»), А. Н. Раевский, К. Собаньская, Н. Гоголь, отчасти П. Чаадаев и прочие.

Как известно, формирование поэта происходило под влиянием нового художественного направления – романтизма, с преобладанием в нём «байронического типа» героя-автора. Байронический тип – это тип, конечно, демонический по преимуществу. Он был чрезвычайно привлекателен для самого поэта в пору его молодости, хотя стал чуждым в тридцатые годы. Он довлел Пушкину, и чтобы освободиться от него, необходимо было вычленить этот характер из самого себя, заключив часть своего собственного (и при этом байронического) опыта в приличную ему форму, дать ему отдельную жизнь, оформить его.

В этом отношении уместно сослаться на Ю. М. Лотмана, писавшего о «сознательном и целенаправленном стремлении Пушкина создать себе в литературе «вторую

биографию», которая служила бы в глазах читателей связующим контекстом для его произведений» [Лотман, 1981, с. 74]. Проблема второй биографии – это все-таки нечто, выходящее за рамки одной литературы; это проблема не только литературная, но и экзистенциальная. Другое дело, что иначе чем через посредство искусства её плодотворно не разрешить. Есть, впрочем, собственно экзистенциальные выходы: это либо безумие (раздвоение личности), либо самоубийство. Искусство уберегло Пушкина: «Не дай мне Бог сойти с ума...»; «Он застрелиться, слава Богу, // Попробовать не захотел...». Эта вторая биография вполне воплотилась в героях «Кавказского пленника», «Цыган», «Онегина».

Однако решительное, окончательное освобождение от байронически-демонического типа происходит позднее, в первую Болдинскую осень, в пору Восьмой главы «Онегина», «Повестей Белкина», «Маленьких трагедий» и «прощального» цикла лирики, в котором Пушкин, по прекрасному выражению Г. П. Макогоненко, «теперь уже действительно в последний раз простился – не с возлюбленной – с любовью своей» [Макогоненко, 1974, с. 35]. В этом отношении в высшей степени показательна также и та характеристика, которую даёт юной жене Пушкина графиня Д. Ф. Фикельмон в своём «Дневнике»: «...лицо Мадонны, чрезвычайно бледное, с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением <...> Он [Пушкин. – Э. К.] очень в неё влюблён, рядом с ней его уродливость ещё более поразительна <...> Поэтическая красота госпожи Пушкиной проникает до самого моего сердца <...> Самой красивой вчера была, однако ж, Пушкина, которую мы все прозвали поэтической, как из-за её мужа, так из-за её небесной и несравненной красоты. *Это – образ, перед которым можно оставаться часами, как перед совершеннейшим созданием Творца* [курсив наш. – Э. К.]» [А. С. Пушкин..., 1974, т. 2, с. 140–141]. – Таким образом, можно говорить, что «божественность», «небесность», «нездешность», «идеальность» Натальи Николаевны Пушкиной вполне осознавалась современниками поэта, светом, была «общим мнением».

Слова Ю. Лотмана о «второй биографии» есть как бы вывод из загадки о пресловутой «утаённой любви» Пушкина. Лотман, в частности утверждает, что эта «утаённая любовь», «призрак нежный», «возлюбленная тень», этот «тайный идеал» был именно Идеалом, вымыслом, в свете которого Пушкин и творил эту свою «вторую биографию». Прав Лотман или нет – для нас сейчас не имеет особого значения. Заметим лишь, что, действительно, Идеал необходимо сопутствует байроническому типу, как ангел – демону. И байронический тип в поисках этого женственного Идеала волей-неволей оказывается в роли Дон-Жуана – ампула, собирающего в прекрасное целое земные осколки, в которых идеальный образ так или иначе отразился.

Творчески («Мадонна») и биографически (Наталья Гончарова) Пушкин нашёл искомый образ, что, вообще говоря, в высшей степени проблематично: это две вещи несовместные. Поиск Идеала (или следование ему) сформировало судьбу Пушкина. В Болдине Пушкин – жених, и женой ему станет Идеал, то есть Судьба. Именно так: пройдёт немного времени, и Пушкин женится на своей Судьбе, на первой, по словам Вяземского, романтической (читай: идеальной) красавице России [Переписка..., 1982, т. 1, с. 285]. Вот чем продиктована та напряжённость, с какой Пушкин переживал своё жениховство в Болдине. Живые (и мёртвые) осколки Идеала стали не нужны, бессмысленны, и Пушкин простился с ними так же, как простился со своим Онегиным.

Разумеется, за подобную перемену участи надо платить. Потому-то тема возмездия пронизывает собой всё, написанное Пушкиным осенью 1830 г. В наиболее явном виде тема эта воплощена в «Маленьких трагедиях», прежде всего в «Каменном госте» [Ахматова, 1989, с. 90–109]. И Пушкин этого возмездия ждал.

Впервые у него появился дом, свой дом, где он сам большой. Жизнь складывалась хоть и трудно (он был к этому готов: «сулит мне труд и горе / Грядущего волнуемое

море»), но по-людски, обыкновенно, банально хорошо. Раздражало Третье отделение и глухая возня в журналах, но и только. А это был знак, пока в виде пакостей политических и литературных бесов. В целом же, первые два года после свадьбы были относительно спокойны. Однако Пушкин не утратил бдительности ожидания. Он ждал мести ангелов («...и стерегут, и мстят мне оба...» [Пушкин, 1959, т. 2, с. 701–702]), предчувствуя, что удар будет нанесён в сердце его *vita nuova*, в семью. Наложить это ожидание на суеверную мнительность Пушкина – Судьба может отыграться на детях: можно представить себе, с каким смятением этот человек ожидал рождения детей. Мог родиться черный ребенок, как весть от черного прадеда, что, по здравом размышлении, маловероятно, но ведь тут дело особое – тут кровь (вспомним булгаковского Воланда: «Как причудливо тасуется колода!»).

Вот тайный смысл не вовсе рассказанной истории. Не дорассказана же она, собственно, по той причине, что сосредоточить вину в ребёнке, беззащитном и неповинном существе, противно морали Пушкина. Демоны и ребёнок – это слишком страшно, а главное, несправедливо. И Пушкин обрывает текст, ибо боится накликать беду. С подобной историей мог справиться (т. е. действительно, полностью рассказать) Гоголь, или князь Одоевский, или, на худой конец, Тит Космократов, но не Пушкин. Для Пушкина ребёнок не мог быть воплощением зла – Бог этого не допустит. К тому же, коллизия со «второй биографией» уже изжила себя, уступив место коллизии «частного человека в истории» («Анджело», «Медный всадник», «Пугачев»).

А «второй человек» – чёрный белый человек (Дантес, как известно, был блондином) – пока обретается на периферии сюжета, чтобы Лаэртом явиться под занавес, послужить орудием катарсиса.

Литература

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : В 2-х томах / под общ. ред. В. В. Григоренко и др. Москва : Художественная литература, 1974. Т. 1. 1974. 544 с.

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : В 2-х томах / под общ. ред. В. В. Григоренко и др. Москва : Художественная литература, 1974. Т. 2. 1974. 559 с.

Ахматова А. А. О Пушкине : Статьи и заметки / сост. Э. Г. Герштейн. Москва : Книга, 1989. 366 с.

Лотман Ю. М. А. С. Пушкин: биография писателя. Ленинград : Просвещение, 1981. 255 с.

Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830-1833). Ленинград : Художественная литература. Ленинградское отделение, 1974. 376 с.

Переписка А. С. Пушкина : в 2 т. / ред. коллегия: В. Э. Вацуро и др. Москва : Художественная литература, 1982. Т. 1. 494 с.

Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2 : Стихотворения. 1823–1836. / под общ. ред. Д. Д. Благого и др. Москва : Гослитиздат, 1959. 799 с.

Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 5 : Романы. Т. 5 : Повести / под общ. ред. Д. Д. Благого и др. Москва : Гослитиздат, 1960. 663 с.

Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7 : История Пугачева. Т. 7 : Исторические статьи и материалы. Воспоминания и дневники / под общ. ред. Д. Д. Благого и др. Москва : Гослитиздат, 1962. 463 с.